

18 МАР 1971

# КТО ЗАЖИГАЕТ ЗВЕЗДЫ?

...Снег в этот теплый, тихий вечер падал так торопливо и такими больше крыльями хлопьями, что свет фонаря с трудом пробивался сквозь безудержный белый дождь, скупо и неровно освещая видевший виды мост. Зато снег жинкин, достигнув света, зажигались сотнями огоньков и плыли в его полосе, как одержимые, на ходу придумывая загадочные узоры, па, беспечно кружась в вихре, чтобы через мгновение разбиться о застывшую еще позднев осеню землю.

И тускло освещенный пролет моста, и покорно висевший на столбе старинный фонарь, как бы пришедший сюда из чудной сказки Андерсена, и особенная тишина, какая посещает в эту пору только такие вот уголки молодых и мудрых городов, — все это определенным образом настроивало на грустный и тонкий рассказ о чем-то щемяще знакомом. Прошли лишь минуты, но вы уже знаете, что перила моста закричат при первом набеге ветра, и фонарь закачается торопливо и размеренно, как маятник. А если кто и появится здесь сейчас, то он, этот кто-то, ничего не нарушит, не изменит, просто тихо пройдет мимо или постоят, чтобы оставить теплой ладошкой несколько снежинок.

Я помню это беззвучное начало спектакля отчетливее, чем все сюжетные линии пьесы, потому что настроение автора, краски и музыка спектакля были переданы так тонко и так пронзительно уже в первых тактах. Зрительный зал настроился в нужной тональности, и спектакль зашел...

А когда опустился занавес, ряды зрителей аплодисментами, вызывая на авансцену актеров, режиссера-постановщика, художника. Занавес опускается, и мало кто из зрителей в этот момент думает о тех, кого он не видел в театре, но кто незримо присутствовал здесь весь вечер, чей «застольный переплет» работы над пьесой начался раньше, чем у актеров. Они никогда не выходят на сцену, и поэтому давайте взглянем ненадолго за кулисы и познакомимся с теми, кто творит спектакль. Специфика этого производства необычайна, сложна и капризна, и попробуем хоть чуть-чуть разобраться в ней.

Итак, режиссер прочитал пьесу, и все рычаги и винтики его воображения приведены в движение. Через какое-то время, иногда очень короткое, режиссер ясно «видит» пьесу на сцене — сыгранной, прозвучавшей в языке, в звуке, в свете, с антрактами плавающими, кульминацией и фи-

налом. Для себя постановщик все и за всех сыграл, и не только вчера, но и начесть. Но от воображаемого решения до премьеры — много напряженных дней, тутто набитых заботами, хлопотами, работой десятков людей. И если в таком театре, как наш областной русский драматический, актеров в труппе немногим больше тридцати, то остальных работников разных театралных специальностей — больше ста. У каждого свой участок, свой цех.

И, пожалуй, первый человек, которого режиссер-постановщик опускает в свою святая святых, — это художник. Вместе они ищут внешний облик спектакля и образно решают его. Появляются предварительные эскизы, наброски, варианты, в которых уже не статичность, а динамичность спектакля. По этим «документам», выполненным художником, и утверждается худсовет пьесу к постановке.

Около двух десятилетий отдала семипалатинскому театру Зинаида Максимовна Шабалина. То, что она делает здесь, на фабрике или заводе входит в компетенцию начальника производства. Она заведует постановочной частью, и в ее ведении — все цехи театра, все — от бутфортских фруктов в вазе, которая появляется в какой-то момент в руках актера, до сложных конструкций и возможной перестройки сцены, от бумажного цветка до трелей соловья или выстрела, которые должны прозвучать в точно назначенный момент — не раньше и не позже. Можно себе представить, какое хлопотное хозяйство у Зинаиды Максимовны. Оно не просто состоит из тысячи мелочей и деталей, многое ведь надо заново изобретать, придумывать. На это есть мастера, художники в своем деле и фантазеры, но у них свои участки, у заведующей постановочной частью — весь фронт работ.

Еще до войны, в 1936-ом, пришел в театр бутфорт Павел Николаевич Эйхлер. О его фантазиях, о его умелых и чутких руках мы не так давно рассказывали в газете. А вот о Марии Анатольевне Желтоуховой и Лилии Никитичне Пиквуза, возможно, и не знают любители театра, зато среди актеров они популярны. Здесь, воле их швейных машинок, благодаря их умению, можно превратиться в блистательную королеву и уличную замарашку, в рыцаря, солдата любой эпохи, любой армии. Они могут современную девушку одеть барышней восемнадцатого века, молодого стройного актера превратить в дородного, солидного, с годами располневшего гос-

подина, с трудом влезющего в свой костюм. В костюмерном цехе театра в любое время года приходится шить самые необычные порой модели одежды, добавляя неожиданные детали, выполняя это из необычных тканей. Надо разбираться в истории, чувствовать красоту одежды разных эпох и народов, понимать дух, что ли, костюма, его прелесть, его национальный колорит.

Говорят, невозможно найти иглоку в стого сена, сосчитать количество волос в прическе. А парикмахер-гриммер Надежда Михайловна Рацуликина может сосчитать. Из ее рук вышло так много париков с буклями и локчиками, с зачесанными и курашными, что она, наверное, наопуля знает, сколько волос нужно добавить к естественной прическе, из какого количества получится новый парик. Брюнетом, блондином, молодым, престарелым, курносым или с хищноватой горбинкой на носу, круглолобым, плосколицым, красивым, жалким, смешным, уродливым можно стать, терпеливо посидев в кресле у театрального гримера-парикмахера. Да, и желанную свежесть, и матовую бархатистость кожи, и устрашающий шрам, и экстравагантные усяки, и замысловатую бороду получают здесь действующие лица различных театральных историй, получая на три сценических часа. Эскиз художника здесь, как и в любом другом цехе, главный «чертеж», по которому выполняется «конструкция». Сложна работа гримера, кропотлива парикмахерское искусство в театре, но по мне Рацуликиных — Надежда Михайловна помогает ее дочь Лариса — премьеры не переписиста.

Задача большинства производственных участков — все подготовить к сдаче спектакля, а вот радиодех не может ограничиться предварительной подготовкой. Радиист Людмила Пащенко — вся внимательность и сосредоточенность у пульта управления: она ведет спектакль. Какое бы, не так сложно включать и выключать магнитофонную запись по репликам актеров. Но если и добросовестно делать лишь это, спектакль будет звучать отрывисто, фальшиво, звук не только не создаст нужного настроения, но и может погубить режиссерскую мысль. Высота, сила звука, своевременное наложение музыки, точная длительность музыкальной фразы и паузы — это уже из области секретов звукорежиссера. И Людмила часто неплохо делает то, чего ждет от нее постановщик.

Пожалуй, самый «богатый» ассортимент продукции — в цехе реквизиторском. Здесь заботятся о таких мелочах, которых на сцене иной зритель порой и не замечает вовсе. Тут можно услышать любопытные цифры (и в театре, оказывается, без них не обойтись!). Знаете ли вы, что на каждый спектакль уходит в среднем 3—4 кубометра леса, 40—50 листов фанеры, 300—400 метров мягкой ткани для «одежды», сцены (а на костюмы всего метров 50). Одних только ниток идет 5 тысяч метров. 30 килограммов гвоздей, 50 бутылок лака. Килограммов сто различных красок, 10—15 килограммов клея. Ну, а нервы, бессонные ночи — эти расходы пока не имеют единицы измерения.

Взять хотя бы монтировщиков. Они тоже в театре до конца спектакля, все время на сцене, но актеры — в лучах света, а они — в полной темноте. Вот уже кого востигну не должен видеть зритель. Без шума и треска, быстро сменить декорацию, ничего не перепутать, не сбив с ног друг друга — это тоже надо делать артистично. Более тридцати лет руководит этим сложным делом умелый мастер своего дела старший машинист сцены Петр Иванович Захаров.

И о какой бы театральной профессии ни зашла речь, слово «ремесло» не употребить. Творчество и только творчество — иначе нет театра, нет спектакля, нет чуда, нет правды искусства. Зритель и поверит. Если не поверит, значит все было напрасно. Не просто увлечь зрителем, но убедить людей очень-очень разных — вот в чем вопрос.

Ну, казалось бы, электротех, такая уж техническая прова. Готовность и исправность аппаратуры, грамотное освещение в соответствии с режиссерским замыслом — вот и вся задача. О, это только для непосвящен-

ных. А кто же расскажет нам о знойном полдне, когда земля пересохшими губами просит каплю воды, а солнце решило смечь щедростью своей! Кто покажет нам звонкую палитру радуги и приглушенные многоцветья заката, грусть тихого вечера и мажор асного утра? Как услышим мы раскат революции, ошутим силу зарева, как переживем ужас пожара и беззаботную внезапность дождя? Это в театре делается светом. Любые проекции, вспышки, сварка, всевозможные эффекты, вырывы, туча — все можно воспроизвести, умело, творчески пользоваться светом. Он помогает выжить и уничтожить даже мысль человеческую на сцене, он может раскрыть солнечный настрой души, уют обстановки, ее интимность или неприятную наэлектризованность, высветить крупнолюбый предмет. Можно светом почти один и те же деревья перенести в любое время года. И луну, да, да, луну, и звезды на сцене зажечь можно. В том и прелесть, и магическая сила, и очаровательная сила, власть над душой нашей.

Мы смотрели «Баршавскую мелодию» Л. Зорина и в думкем о двух людях, показавших нам этот спектакль. Да, всего два действующих лица. И «всего» 60 человек еще готовили эту постановку. Это хорошо, что в каждом театре в цехах работают люди, для которых сцена, ее законы стали главным в жизни. У людей, о которых мы здесь рассказали, одна «корысть» — беззастенчивая любовь и привязанность к театру. И они не горюют о том, что зрители не знают их в лицо.

Нельзя жить без сказки, нельзя жить без чуда. И если вы ищите их в театре, то для вас со сцены будут доноситься запахи весны и леса, а не клея и пудры. И облака будут спешить куда им надо, и капля дождя вы опустите на щеке, и ветер освежит прохладой. И если это с вами случится хоть однажды, поверите, что звезды здесь зажгутся сами...

Э. КОГАН.